

АНАБЕЛЬ ЛИ

НЕОТВРАТИМОСТЬ

Анабель Ли
Неотвратимость

«Автор»

2023

Ли А.

Неотвратимость / А. Ли — «Автор», 2023

Доктор — это чудотворец, сродни богу, или безжалостный палач? Пациент — это безвольный, расходный материал или яркая, энергичная личность? Действие или бездействие: что порой страшнее? Медицинская этика — это свод правил или наказание? Профессии — социальные роли, навешивают ярлыки и определяют ожидания. Будем ли мы верить доктору, оступившемуся на профессиональном пути? В кого превратится пациент, пожелавший стать надежным защитником для человека, который должен был быть его спасителем? Жизнь иногда, забавы ради, срывает наши маски, обнаруживая под ними совсем других людей.

© Ли А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Мэри	5
Глава 2. Марк	7
Глава 3. Мэри	10
Глава 4. Марк	12
Глава 5. Мэри	15
Глава 6. Марк	18
Глава 7. Мэри	23
Глава 8. Марк	27
Глава 9. Мэри	29
Глава 10. Марк	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анабель Ли

Неотвратимость

Глава 1. Мэри

Тик-так.

Серая унылая стена напротив с четырьмя круглыми циферблатами настенных часов, показывающих время в разных часовых поясах нашего земного шара.

Тик-так. Тик-так.

Звук, который я пыталась научиться не слышать. Звук, который врывается в моё сознание каждый день в восемь и не уходит, даже когда я возвращаюсь домой.

Тик-так. Эхом на четыре голоса.

Пульсирующая боль внезапной искрой вновь отзывается в затылке и плавными шагами направляется к вискам. Вздыхнув, я протянула руку к верхнему ящичку стола и достала обезболивающее. Привычные движения, отработанный механизм действий. Я проглотила таблетку не запивая. Знаю, она поможет всего на пару часов, но, господи, мне хватит, чтобы передохнуть.

Посидев пару минут с закрытыми глазами, я собралась и вновь повернулась к экрану.

– Джонсон, ко мне! – Я вздрогнула от внезапного окрика из коммутатора. Сделав глубокий вдох и медленный выдох, я встала и направилась в кабинет босса.

Постучав, распахнула стеклянную дверь, видя, что мужчина стоит спиной ко входу и лицом к панорамному окну. Я знаю, что это значит. Я опять виновата и прощения этому нет.

– Сэр!

Мистер Квиррик медленно повернулся. Такое ощущение, что он оттягивает резинку рогатки. Плавно, неспешно, на максимум и прицеливаясь. Сейчас он отпустит и снаряд прилетит в меня.

– Джонсон, вы считаете себя здравомыслящим человеком? – Начал босс вкрадчиво, слегка облокотившись на стол обеими руками, от чего деревянная столешница жалобно простонала.

– Да.

– Нет, Джонсон. – Он выдохнул, слегка повернув голову, чтобы показать своё недовольство моим слишком смелым ответом. – Здравомыслящий человек, получив задачу принести кофе температуры семьдесят пять градусов по Цельсию, не приносит ледяные помои семидесяти градусов.

Он схватил кружку и резко выплеснул содержимое в мою сторону. К счастью, до меня не долетело. За эти три года я научилась останавливаться у дальней кромки ковра. Научилась проглатывать слезы, прикусывать язык и покорно опускать голову.

– Простите.

– Опять? Вы ни на что не годны, Джонсон, сколько можно терпеть вашу безрукость?

– Этого не повторится. – Я уже давно поняла, что любые аргументы бесполезны, они лишь раззадорят его, моя дерзость разозлит, а непокорность выведет из себя и тогда в меня прилетит что-то потяжелее.

– Где мой сэндвич? – Спрашивает Мистер Квиррик, устало потирая лоб.

– Вот же он на тарелочке у монитора. – Аккуратно указываю рукой на закуску, что подала ему с кофе пять минут назад.

– Это не мой сэндвич, Джонсон. По вторникам я ем с тунцом, а это лосось.

– Тунца не было, извините. – Это уже не первый раз, если честно. Пару месяцев назад, рыбы так же не было в кафе и я купила сэндвич в другом месте, но он наорал на меня за то, что я взяла не в любимом кафе.

– На планете закончился тунец?

– Закончился в вашем любимом кафе, откуда я заказываю ланч.

– Значит нужно было найти его где-то ещё. Вторник – это тунец, неужели трудно запомнить это простое правило?

Я смотрела на него и мысленно представляла, как вонзаю нож в это плотное тело. Как он шокировано распахивает глаза, как потом я запихиваю сэндвич ему в глотку и выливаю на голову кофе. Ну почему, почему Мэтью потерял работу именно сейчас? Когда на носу свадьба, когда мы только купили дом и свободных средств не осталось. Я бы так хотела уволиться. Я мечтаю уволиться. Я не могу больше это терпеть.

– Ты оглохла?

– Извините.

Мистер Квиррик начал обходить стол, приближаясь, будто тигр, сфокусировавшийся на добыче. Я смотрела в его блеклые карие глаза, пытаюсь понять, как у окружного прокурора нашего захудалого городка мог родиться такой ублюдок? Как жизнь допустила такое стечение обстоятельств, что все мы терпим его самодурство, боясь заявить? Прекрасно понимая, что ничего не поможет – отец его отмажет.

– Вали отсюда! – выкрикнул он и я, рванулась к дверям, трясущимися руками повернула ручку.

Тик-Так.

Подбежав к столу, я пытаюсь отдышаться. Кошмар, как выскакивает сердце из груди.

– Мэри, – Лиза, наш бухгалтер вошла в приемную, – я принесла отчёт. – потом уже тише, – Урод у себя?

Я кивнула, держась за столешницу одной рукой и вторую положив на грудь, пытаюсь унять сердцебиение.

– Ты как? – Она оценила моё состояние. – Опять ударил?

– Нет, – умудрилась улыбнуться. – Пока нет.

– Может, воды принести? – Она положила папку на мой стол и участливо склонила голову.

– Нет, я в порядке. – Киваю, не понимая, почему никак не удается отдышаться.

Но я была не в порядке. Постепенно лицо Лизы стало каким-то размытым. Удары сердце отдавались в висках и очередная вспышка головной боли пронзила внезапно, будто мечом. Я поняла, что падаю.

Глава 2. Марк

– Конференция в Ванкувере? – Я стоял в кабинете директора нашей клиники и пытался понять, как этому, казалось бы, умному и образованному человеку, заслуженному хирургу страны, приходят такие идиотские идеи в голову. – Нет.

– Марк, ...

– Я никуда не поеду, вы что, издеваетесь? – Махнув рукой я повернулся к двери. – Выберите какого-нибудь офисного клоуна представлять клинику.

Я вышел из кабинета и направился к себе.

Поверить не могу, опять это настойчивое желание пихать меня на сцену с микрофоном, я что, артист? Цокнув с досады, я нажал кнопку лифта, полностью проигнорировав попытки секретаря вернуть меня в кабинет.

– Мистер Голберг, встреча ещё не окончена. – Она выбежала из-за своего стола и приблизилась. – Мистер Паксон настаивает...

– Нет. – Я покачал головой, не оборачиваясь и, едва с громким «дзынь» прибыл лифт, вошёл.

– Мистер Го..., – створки дверей закрылись прямо перед носом секретаря, оборвав на полуслове.

Вечерний обход – вот что поможет изгнать из памяти эти идиотские семь минут в кабинете начальства. Меня невероятно злило отношение к клинике как к бизнес активу. Бесило, что руководство, несмотря на свой опыт в медицине, готово продаваться, рекламироваться и красоваться, будто никчемная вещица на витрине в попытка привлечь клиента, вернее его деньги. Торговать жизнью и здоровьем мне претит. Да, я работаю в частной клинике, но не потому, что тут лучше платят, а потому что здесь первоклассное оборудование и превосходные материалы. Репутацию БЦК (Бостон Централ Клиник) наработывал себе десятилетиями и по праву может считаться одной из лучших клиник в мире по нейро- и кардиоторакальной хирургии. Мои коллеги в большинстве своём заслуженные доктора из разных уголков планеты. Мы занимаемся самым важным для человечества: продлением, сохранением и спасением жизней. Какие конференции? Тем более в Канаде! За эту неделю пустого трепа в вечернем костюме кто будет оперировать моих пациентов? Кто будет диагностировать? Кто будет наблюдать за тем, как идет реабилитация? А если потребуется оперативное решение? Ответственность всё равно будет на мне. Я не могу покинуть клинику так надолго. Более того, уверен, Паксон прекрасно это понимает.

– Марк, подожди.

Я обернулся и увидел Оливера, моего коллегу, зашедшего в коридор с лестницы. В халате поверх медицинского костюма с планшетом в руке, взлохмаченный, он выглядел встревоженно.

– Что такое? – я остановился в двух шагах от своего кабинета.

– Госпожа Филипс в седьмой. – Он протянул мне планшет с данными обследования. – Жалуется на сильную боль. Я думал стернальное расхождение, но осмотр не подтвердил.

– Было двусторонне шунтирование грудных артерий? – Я просмотрел карточку пациента, чтобы освежить данные.

– Да. – Он провёл рукой по лицу. – Я сам оперировал.

– Почему до сих пор на аппарате?

– Отключить?

– Дышит сама?

– Да, но я думал перестраховаться.

– Продолжительная перестраховка аппаратом несёт противоположный эффект.

– Марк, посмотришь? – Он принял планшет из моих рук обратно. – Посмотри сначала, потом отключим.

– Ладно, но в первую очередь осмотрю своих.

Я зашел к себе и сразу направился к раковине вымыть руки. Оливер, талантливый парень, но всего третий год как начал оперировать сам. Его волнение понятно, однако, постоянно надеясь на помощь, он так и продолжает затягивать с принятием самостоятельных решений. Это опасно. Нужно будет как-то помочь ему сделать правильные выводы самостоятельно, уверен, он уже имеет понимание в причине осложнения, просто хочет подвергнуться.

Осмотр моих пациентов занял ровно три часа. Это принесло немного удовлетворения, люблю, когда все происходит четко по графику. В моей сфере это редкость и потому особенно ценны моменты, когда удается следовать расписанию. Возможно, сегодня я даже попаду домой.

Пациентка Оливера, женщина шестидесяти восьми лет скептически наблюдала за его действиями, когда я вошёл в палату.

– Доктор Голберг, вот запись показателей. – коллега протянул мне планшет. – Мы отключили аппарат, состояние пациента нормализуется. Мы...

– Нет не нормализуется. – Женщина перебила Оливера. – У меня всё будто огнем горит в груди! И колется. Уверена, там что-то забыли. Инструмент какой-нибудь.

– Мадам, уверяю вас, это невозможно. – Оливер ответил ей сам, пока я, пробежавшись по цифрам в отчёте, пришел к выводу, что дама слишком впечатлительная.

– Я хочу услышать мнение опытного доктора. – Пациента смотрела на меня выжидающе.

– С чего вы взяли, что я более опытный? – Отдал планшет коллеге. – Я ассистент хирурга, зашел понаблюдать как проводят послеоперационный осмотр.

– Но вы..., – женщина замялась. – Явно намного старше.

– Бурная молодость! – Подмигнул даме, от чего её брови взлетели вверх. – Алкоголь, знаете ли бесполезен для поддержания свежести кожи. – Наблюдал за её реакцией. Стало совершенно очевидно по её глубоким вдохам, боли в груди нет.

– Какое счастье, что не вы меня резали! – Он фыркнула, а значит с лёгкими дамы тоже всё в порядке. – Это просто возмутительно!

– Всего доброго. – Я вышел из палаты и Оливер последовал за мной.

– Марк, ты зачем так? – Ему, конечно, было весело, но он наверняка подумал про отзывы, которые потом такие как она строчат на сайте клиники.

– Всё у неё хорошо. – Я похлопал мужчину по плечу. – Люди, они разные, иногда нужно и пожестче, хоть и пациент. Она просто на тебя взъелась, молодой, видите ли, слишком.

– Спасибо. – Он кивнул. – Я буду пожестче.

После обеда я, в весьма приподнятом настроении, спустился на второй этаж для консультации новых пациентов, которые только готовятся к операции, однако вместо медсестры в моём кабинете меня поджидал Паксон.

– Марк, удели мне минутку. – Босс сидел за моим столом.

– Вы не по записи, знаете же, мои минутки нужно за полгода бронировать.

– Пошутите мне ещё. – Он качал пальцем, слегка покрутившись в моём кресле.

– Кто ж тут шутит?

– Марк, я подал заявку клиники брать пациентов по социальным квотам, как ты хотел.

Я замер. Ничего себе? Он не удавился брать бюджет? Это, конечно, безумно радует, я голосовал за это направление уже лет пять, но не думал, что руководство прислушается. Сощурив глаза, я сложил руки на груди: – Боже, это что, тоже для того, чтобы отправить меня на конференцию?

– Да, мы официально объявим об этом в средствах массовой информации уже на этой неделе и в Ванкувере от нас будут ждать речь. – Он встал из моего кресла. – Кто, как не ты, сможет рассказать, что к мнению докторов руководство прислушивается даже в ущерб допол-

нительного финансирования. Кто, как не ты, сможет рекомендовать себя как лучшего хирурга современности оперирующего бесплатно по собственному желанию. Кто, как не ты, может спасти себя от увольнения.

– Увольнения?

– Это просто пример. – он подошел, – Но если ради того, чтобы отправить тебя туда мне придётся тебя уволить на неделю – я это сделаю. Заодно отгуляешь часть накопившегося отпуска.

– Ты же совсем недавно отправлял меня в отпуск подобным обманом.

Отвратительная выходка Паксона, за которую до сих пор досадно. Тогда, после шестнадцатичасовой операции, он заставил меня выпить чаю, в который, уверен, подмешал седативное, иначе не ясно как я умудрился уснуть прямо у него в кабинете. Я проснулся в гостиничном номере с массажисткой в соседней комнате. Удивительно то, что он действительно считал, что поступил правильно, более того пришел в стговор с моей медсестрой, чтобы это проверить.

– Это было десять лет назад, Марк.

Глава 3. Мэри

– Это действительно хорошо, что вы обратились за помощью. – Проговорил доктор безэмоциональным блеклым тоном. – Это трудная ситуация, и мы должны немедленно принять меры.

Полчаса назад я очнулась в больничной палате, пытаюсь вспомнить, что со мной произошло, а спустя ещё двадцать минут явился доктор Смайт с новостями, которые будто бетонной плитой накрыли меня, замуровали, словно в саркофаге страха и безысходности.

– Что вы говорите? – Я пыталась унять дрожь оледеневших от страха рук, цепляющихся за хлопковую простынь, которой меня накрыли в палате.

– Саркома сердца, Мисс Мэри Джонсон. – Он поджимал губы, произнося это. – Ситуация сильно запущена, однако, надежда есть.

– Есть? – Мне казалось, звук долетает до моих ушей с какой-то задержкой, будто при паршивом интернет соединении.

– Операцию можно провести в клинике в Ванкувере. У нас, к сожалению, нет должного оборудования, да и специалиста. – Доктор положил руку на деревянную планку в изножье кровати и сочувственно сжал её. Не знаю, какой должен быть эффект от этого? Такой-же, как если бы он сжал моё плечо? Ему всё равно чему сочувствовать или я как деревянная планка? Зачем я об этом думаю?

– Не волнуйтесь, мы выпишем вам срочное направление.

– Что мне делать? – Вопрос эхом раздавался у меня в мыслях и отчаяние звенело в ушах. Страх посылал по телу какую-то неконтролируемую дрожь, мне казалось я задыхаюсь. Даже голова кружилась.

– Главное, не волноваться и сразу же ехать в город, как получите дату операции по квоте.

– Может, можно платно поскорее?

– Я узнаю и перезвоню вам завтра утром. – Он кивнул с пониманием и будто даже заинтересованно в моей судьбе. – Однако, процедура дорогостоящая.

– Это моя жизнь.

– В любом случае, ситуация сильно запущена, Мисс Джонсон. Вам нужно готовиться.

Готовиться. Готовиться...

Я не могла выкинуть это проклятое слово из головы весь остаток дня. Когда я натягивала дрожащими руками одежду, когда шагала, будто на автопилоте, на выход из клиники, когда садилась в такси и даже когда стучала в дверь моей квартиры, где мы жили с Мэтью.

– Любимая, что случилось? – Мой жених открыл дверь с телефоном в руке.

Я смотрела на его растрепанные волосы, до боли знакомые черты лица и меня будто парализовало. Я не могу, не могу расстраивать дорогих мне людей. Это будет невыносимо. Они будут жалеть меня, кидая печальные взгляды полные сострадания и отчаянно молчать о моей судьбе. Не могу пока сказать.

– Трудный день. – Стараюсь выглядеть спокойно и даже стягиваю ботинки не дрожащей рукой.

– Опять этот козёл? – Конечно, Мэтью подумал на босса.

– Да. – Я кивнула.

– Ну, у меня есть отличные новости! – Мэтью потряс телефоном. – Помнишь Рейчил Ферфакс из бизнес группы? – Не дожидаясь моего кивка, он продолжал. – У них освободилась вакансия в Торонто!

– Торонто? – Я моргаю, но вместо радости первым проносится в голове то, что там, должно быть, есть клиники и специалисты лучше, чем в нашем городке.

Он выставил вперёд руку предотвращая мои возражения: – Я всё понимаю, переезд не был в планах, но это отличная возможность. Уверен, там ты тоже устроишься лучше.

– Мы...

– Да, мы только что купили дом, но его можно продать и купить другой в Торонто. – Он приобнял меня. – Мэри, это наш шанс выбраться из болота.

– Ладно.

– Серьёзно? – он очень удивился. Уверена, Мэтью думал, я буду переживать и сопротивляться, но мне казалось, что всё в моей жизни вышло из под контроля, потеряло всякий смысл. Будто я выпала из привычной мне истории и теперь смотрю фильм про каких-то других персонажей.

– Да.

– Я поеду устроиться и всё разузнать и для тебя. – Он чмокнул меня приобняв. – Выстави пока дом на продажу.

– Свадьбу отменим? – По-моему даже как-то безразлично прозвучало. Господи, ведь из-за операции придется по-любому переносить, если она вообще будет, свадьба эта.

– Нет, что ты, я вернусь до пятнадцатого апреля, мы поженимся и потом уже поедем вместе в новую жизнь.

Если будет она, эта жизнь.

Сразу после ужина мы с Мэтью заказали ему билет в Торонто и пытались посмотреть какой-то боевик, но я была глубоко в своих переживаниях и, если бы вы спросили меня, о чём была картина, или хотя бы её название, я бы не ответила вам.

Как быстро, всё казавшееся важным может потерять смысл. Теперь я знаю, что это быстрее мгновенья. Этот миг, будто поворот, меняет ракурс и взгляды на всё вокруг. Меняет окружение, мировоззрение и ценности одновременно. Я сижу на диване с любимым мужчиной, за которого собираюсь замуж, и мне кажется, что это чужой человек, потому что это моё сердце подвело меня, а его сердце работает исправно. Он не сможет понять меня. Не сможет, а сочувствие невыносимо. Печаль только добавит стресса. Если я скажу ему, он не поедет в Торонто, не приступит к работе, которую так долго искал, а у него ещё вся жизнь впереди. Я не хочу, чтобы он остался рядом пожимать мне руку, выматываться душой от безысходности и тихо про себя думать, что ситуация лишила его уникальной возможности в плане карьеры.

Родителям я не смогу сказать по тем же причинам. Возможно, я смогу сказать моей подруге, Элейн, но не сейчас. Мне придется пройти через это всё самой. Это опять добавляет дистанцию между мной и всеми родными. Одна. Я буду в этом аду одна до конца, каким бы он ни был.

Глава 4. Марк

– Время операции восемь часов двадцать три минуты, время наркоза девять часов. – Сообщил анестезиолог.

– Приготовьтесь уменьшить работу насоса до пятидесяти пяти процентов. – отдал указание медсестре у аппарата, продолжая накладывать швы. – Приготовьтесь к кровотечению. – Скомандовал ассистирующему мне сегодня Тиму.

– Уменьшаю работу насоса на три, два, один. – комментировала Лорен, наш интерн, ассистировавшая в качестве сестры. – Насос на пятьдесят пять процентов.

– Давление восемьдесят три на шестьдесят четыре. – сообщила вторая медсестра, Кэтлин, у экрана показателей состояния пациента.

– Отрезай. – Я закончил накладывать шов и смотрел как Тим перерезает хромированный кетгут.

– Уменьшаем работу насоса до полной остановки. – Передал указания Лорен.

– Уменьшаю работу насоса на три, два, один. – комментировала она. – Насос выключен.

– Кровотечение. – комментировал Тим.

– Отсос. – Скомандовал и рука Кэтлин сразу же протянула носик аппарата убрать лишнюю кровь.

– Давление семьдесят три на шестьдесят три. – Сообщила перешедшая к мониторам Лорен. – Показатели в норме.

Три самых долгих минуты в каждой операции – наблюдение после проведенных манипуляций. Момент острия ножа, когда любой исход имеет одинаковую вероятность наступления. Я выдохнул, когда Тим уверенно сообщил, что показатели стабильны.

– Сердце сокращается самостоятельно. – Резюмировал, слегка покрутив кистями, чтобы снять напряжение. – Зашиваем.

Девять часов – не предел, у меня бывали операции почти на сутки, но всё равно выматывает. Когда на протяжении всего этого времени приходится быть в напряжении, стараюсь не упустить ничего. Удивительно, но часы пролетают с невероятной скоростью, несмотря на продолжительность таких операций, ты не думаешь ни о голоде, ни об усталости, просто работаешь. Всё тело в тонусе. Однако, стоит выйти из операционной, и до ординаторской кажется слишком далеко. Усталость даёт о себе знать и наваливается сразу всем весом. Нужно поспать хоть пару часиков.

Я провёл все необходимые процедуры и, переодевшись, зашел в дежурную. В нашей клинике было очень комфортно – по четыре кровати в каждой комнате, то есть ни на что не отвлекаешься, можешь спокойно выспаться. Поставив будильник на двухчасовой сон, я лёг.

– Марк. – Не успел закрыть глаза, дверь открылась и я увидел лицо Лорен. – Тим уехал домой, у нас есть как минимум четыре часа.

Приподняв голову, я видел, как она проворно повернула защелку на двери и направилась к моей кровати.

– Мы совсем редко видимся. – Лорен села на кровать и положила ладонь мне на щеку. – Как только Паксону пришла в голову идея поставить нас в разные смены?

Я перехватил её руку: – Не сейчас, я устал.

– Устал? – Она так удивилась, будто не стояла со мной в операционной. – Ну, Марк...

– Потом. – Я снял её руку с лица и переложил кисть на колени девушки.

– Ладно, отдыхай. – она вздохнула. – Увидимся через пару часов.

Сон – удивительная вещь. Порой, это всего лишь другой режим, другой когнитивный процесс, который мы разгадываем веками, как величайшую загадку нашего существования.

Погружение в сон – незаметно наступающая возможность организму отдохнуть, хоть он и не останавливает свою работу ни на миг.

Я проснулся за две минуты до будильника. Это происходит всегда. Почему-то мой организм не доверяет технике, а может, мой мозг не может отдыхать вообще. Как бы то ни было, я чувствовал себя отдохнувшим и свежим и посвятил остаток ночи контролю состояния прооперированного и далее составлению отчёта по операции.

Новый день я начал с обхода. Двое из моих пациентов должны были выписаться уже сегодня.

– Марк! – Лорен окликнула меня, едва я вышел из первой палаты. – Поужинаем сегодня?

– Конечно, в девять в столовой. – кивнул и уже почти повернулся, чтобы продолжить движение далее по коридору.

– Я имею ввиду где-нибудь. – Она подошла и обиженно поджала губы.

– Зачем? В столовой прекрасно кормят. – Более того, мы наверняка уверены в качестве продуктов, чего нельзя сказать о точках общепита, но я не стал пояснять.

– Я хочу нормальное свидание. – Она взяла меня за рукав, я стиснул зубы.

– При чём тут я? – Аккуратно двигаю локтем, пытаюсь освободиться из захвата.

– Мы уже почти полгода ... э... флиртуем друг с другом, неужели не можем выйти из клиники хотя бы раз в квартал? – Лорен закатила глаза. – Мы же всё равно люди, мы должны жить и радоваться всем тем же вещам, что и другие. Стать наконец парой официально.

Я так удивился, будто она предложила шунтирование на здоровое сердце младенцу сделать.

– Официально? – Не заикался, конечно, но некомфортно стало. Это что-то новенькое. Обычно медсестры так не насаждают после пары приятно проведенных часов.

– Ты думал, я с тобой только ради диссертации? – Она улыбнулась. – Ты мне, правда, нравишься.

– Да, но я с тобой только ради диссертации. – Ответил, опять вытаскивая руку из её захвата. Признаться, Лорен меня удивила, хотелось ответить тем же.

– В смысле? Диссертация же у меня. – Она непонимающе моргнула. – Это же ты мне помогаешь.

– Это платная услуга.

Я оставил девушку осмысливать сказанное и направился к пациентам. Обход задержался на тридцать четыре минуты, что я посчитал приемлемым, но всё равно немного раздражало отклонение от графика. В обед ко мне подошел Тим, едва я перешагнул порог столовой.

– Марк, ты расстался с Лорен? – Начал он, пытаясь шептать, что бесполезно, в помещении толпа, все в радиусе пятнадцати метров в курсе моментально. Я окинул взглядом стол раздачи, подметив мои любимые пареные овощи.

– Нет.

– Как нет? – Приятель остановился, прихватив меня за локоть. – Она вся в соплях уже всем поныла. Вы что, всё же вместе?

– Мы никогда не были вместе.

– Я ничего не понимаю. – Друг позволил мне занять очередь перед ним и последовал за мной собирать блюда для обеда.

– Она, видимо, тоже. – Я покачал головой и взял поднос.

– Что её расстроило так? Непонимание? – Он выдвигал идеи. Уверен, Тиму нравилось анализировать причинно-следственные цепочки когнитивных вариаций. – Наверняка ты опять пошутил как-нибудь в своей манере, а она и восприняла, как любой другой, я имею ввиду отличный от тебя, человек.

– Нет.

– Что ты сказал? – Допытывался он, я понял, что не отстанет. – Давай я переведу на нормальный язык.

– Я сказал, что мы ужинаем в столовой в девять.

– Так... Так и есть по расписанию. – Тим недоумевал. – И что ещё?

– Всё.

Приятель замолчал. Значит, ему всё ясно. Радует, что есть люди способные воспринимать информацию в полученном объёме, не пытаясь копаться и выискивать скрытые смыслы.

– Что же её расстроило? Может, она ожидала что-то другое? – Он задумчиво постучал вилкой по пустому подносу.

– Да. Но глупо, когда человек хочет спать с тобой за помощь с диссертацией, а потом удивляется, что с ним спят за помощь с диссертацией. – Пока Тим прикрывал глаза рукой, виновато озираясь на остальных в очереди, я обратился к ассистенту повара. – Мне пареные овощи и лосось.

Глава 5. Мэри

Кровать ранее всегда была моим безопасным местом, моим убежищем. Я бывало уютно устраивалась в одеяле, счастливая, как кошка на солнце, готовая к своим звездным мечтам. Я засыпала вовремя, медленно или быстро, в любом случае я наслаждалась этим чувством расслабления.

За последние две недели всё поменялось.

Теперь мне кажется, что даже воспоминание о безмятежности – это что-то далекое и сюрреалистичное. Я лежу на спине и невольно задумываюсь, что и в гроб кладут так же. Я стараюсь лежать на боку или не складывать руки на груди, часами вслушиваясь внутрь себя, ожидая, что тело как-то подведёт, с ужасом отгоняя мысли, что это может случиться во сне и рядом нет никого, чтобы помочь.

Я стараюсь быть спокойной и не нервничать, заставляю себя думать позитивно и не сдаваться, пока ещё дышу и двигаюсь.

Даже когда мне сказали в клинике в Ванкувере, что у них нет специалиста, чтобы взяться за меня, да что там, они даже осматривать не стали, только глянули в результаты исследования, что выслали им из моей клиники.

Я совершенно невозмутимо выставила дом на торги и так же безразлично перевела полученные от продажи средства Мэтью, чтобы он присмотрел нам дом в Торонто.

Я вышагивала каждый день, заведенный ритуал, по часам и медленно моргала, когда кто-нибудь спрашивал, как у меня дела. Иногда я даже улыбалась. В окружающем мире радовало два момента: у Мэтью всё хорошо на новом месте работы и мой босс сейчас в командировке.

Второе, к сожалению, прекратится сегодня, ибо начальник возвращается в офис.

Я жевала овсянку сидя на кухне, глупо пялясь на пустой стол и размышляя, сколько раз ещё я успею так позавтракать, когда пришел звонок от Элейн.

Нажав мизинцем ответ и переведя на громкую связь, я проглотила кашу и вяло промямлила: – Доброе утро.

– Мэри, собирайся! Ты едешь в Бостон! – Голос подруги звенел от возбуждения.

– Что?

– Я нашла клинику. Сейчас скину ссылку. – Она тараторила, слегка запыхавшись. – Я уже почти у тебя, давай почитай пока про них. Сейчас буду.

Она чмокнула в трубку и я услышала гудки.

Печальный вздох. Правильно ли я поступила, сказав ей? Элейн восприняла диагноз как вызов и принялась выискивать пути решения с завидным упорством, в то время как я сама была в каком-то оцепенении, получая один отказ за другим. Конечно, это было эгоистично с моей стороны, потому что подруга очень волновалась. Но боже, почему я не могу побыть эгоисткой в это оставшееся мне время? Наверно, я даже стала злой, но именно сейчас мне казалось, что моральные условности – это какая-то чушь.

Телефон пикнул, оповестив о сообщении. Я перешла по высланной подругой ссылке.

«Бостон Централ Клиник считается одной из лучших клиник в мире по нейро- и кардиоторакальной хирургии». – гласила открывшаяся страница. Лучшее оборудование, лучшие хирурги, восторженные в розовых сердцах отзывы пациентов. Я полистала информацию о сложности проводимых операций и о докторях. Собственно говоря, это всё, что я успела, потому что Элейн действительно уже была рядом и вломилась ко мне, открыв дверь запасным ключом, что я ей отдала на случай если мне станет плохо ночью и я не смогу ей открыть.

С переносной картонной подставкой в которой дымились два стаканчика с логотипом Старбакса, она, скинув ботинки, промаршировала напрямиком ко мне на кухню.

– Я купила билеты. – Сообщила она, поставив напитки на стол передо мной.

– Ты с ума сошла? – Я шокировано качала головой. – Я бы сама купила.

Она остановила мои возражения жестом: – Тебе есть на что раскошелится, операция дорогая, но зато я нашла лучшего хирурга. На него только что не молятся.

Элейн аккуратно доставала стаканчики из держателя по одному, кратко прокомментировала: – Тебе японский чай.

– К нему, наверно, не попасть. – Я с любопытством прокрутила страницу сайта клиники с фото и именами докторов.

– Попасть! – подруга склонилась к экрану моего телефона. – Вот, доктор Марк Голберг. Кардиоторакальный хирург, стаж двадцать три года, заслуженный и так далее. – Она постучала пальцем по описанию, где, и правда, очень красиво было написано.

– Думаешь, это хороший стаж? Отзывы можно и сфабриковать, частная же клиника. – Я с сомнением закусила губу.

– Ну, тут написано, он оперирует по квотам тоже, значит не жмот. – Подытожила Элейн. —И, заметь, единственная карточка без фотки, значит красоваться не любит.

– Думаешь?

– Уверена! – Подруга кивнул и достала из сумки конверт. – Вот билеты и код для номера гостиницы. Я записала тебя на приём онлайн, там выдали талончик с датой и временем, я тебе на телефон скину штрих код.

– Господи, как мне тебя благодарить-то? – В глазах зашипало, но я практически заставила себя дышать равномерно и глубоко. – Я тебе всё верну.

– Боже, Мэри, поправляйся просто! – Элейн всхлипнула и заключила меня в крепкие объятия.

На работу я явилась в приподнятом настроении и, пока не пришел босс, подготовила заявление на отпуск за свой счёт. Надо же, не думала, что меня ещё может что-то радовать.

Тик-так.

Первые два часа я потратила на то, чтобы наладить работу над моими проектами в моё отсутствие. Задач немного, я договорилась с коллегами, что же касается загонов с кофе и ланчами, уверена, девочки с ресепшена прикроют, пока не найдут замену на время моего отпуска.

Тик-так.

Мистер Квиррик пришел к полудню и, не взглянув на меня, направился к себе, кинув свой портфель в сторону моего стола. Я поймала. Не только потому, что уже натренировалась, а потому, что мне нельзя волноваться. Сегодня я всё сделаю безупречно, чтобы не усугублять своё состояние.

– Джонсон, ко мне! – Проорал он в закрывающуюся за ним дверь.

– Да! – Я положила портфель на свой стул и направилась к нему в кабинет, сжав в руке заявление.

– Джонсон, что это за помои? – В моём направлении полетела кружка. Шаг назад. Сегодня он замахнулся сильнее и, несмотря на то, что я была на расстоянии от кромки ковра, пара горячих капель обожгло кожу ног через чулки. Я сжала зубы, уговаривая себя дышать ровно.

– Ваш кофе, сэр.

– Сегодня я хочу чай!

– Я сейчас же принесу! – Уйти не успела.

– Что это за бумаги? – он разглядел заявление в моей руке.

– Прошу двухнедельный отпуск. – Я шагнула на ковёр, чтобы передать заявление боссу.

– Отпуск? – Лицо мистера Квиррика начало наливать кровью. – Отпуск? Ты, лентяйка криворукая, устала?

– Да, сэр. – Вдох-выдох. Вдох-выдох.

– Нет, Джонсон. Никакого отпуска. – Он начал выходить из-за стола, сердце ускорило ритм. Чёрт. Вдох-выдох. Это просто очередная пощёчина, я смогу.

– Я прошу вас.

– На колени!

Я опустилась на ковёр. Мокрые капли кофе едва тёплые, быстро остыли, слава богу. Вдох-выдох.

– Ты умолять меня должна, за то, что тебя тут вообще терплю. – он приблизился, расположившись напротив меня. – Какой отпуск? Ты охренела совсем? – пощёчину я уже ждала, но всё равно боль обожгла, сбив дыхание. Какого чёрта, мне нельзя волноваться. Да я вообще его может больше никогда не увижу.

Внезапно, мне показалось у меня в голове что-то щёлкнуло. Будто, раз, и все предрас-судки, моральные принципы, законы субординации и страх потери работы, поблекли и раста-яли в сознании. Протянув руку, я схватила его за карман брюк и умудрилась подняться на ноги до того, как мистер Квиррик пришел себя от шока. Его ошарашенный взгляд уставился на меня. Выражение лица с открытым ртом и красными ноздрями невозможно было передать. Он не ожидал, что я посмею.

– Да! – я выкрикнула ему в лицо и, наверно, даже слюни долетели до босса, с таким остервенением я выплюнула злобные слова. – Да, я охренела!

Кажется, я даже крикнула. Подняв руку с заявлением, я со всей дури наотмашь хлестнула его по щеке бумагой. – Охренела и увольняюсь! Не смей на меня орать, урод!

Кинув в босса документами, я вылетела из кабинета, схватила свою сумку и направилась из здания офиса.

Глава 6. Марк

– Время операции шестнадцать часов сорок восемь минут, время наркоза семнадцать часов двадцать минут. – Сообщил данные анестезиолог.

– Трубка в правое предсердие. – попросил Оливера, который работал сегодня со мной на операции. – Левый желудочек, насос пятьдесят пять. – Скомандовал Кэтлин, ассистировавшей с Энн, ввиду того, что от участия Лорен в команде, я отказался. Это было логичное решение, поскольку девушка повела себя очень непрофессионально. После нашего диалога несколько дней назад, который она считала расставанием, зараза занялась мелким вредительством, прорезав мне карманы рубахи костюма. Я рапортовал Паксону и потребовал запретить ей работу в операционной. Уверен, Лорен долго не успокоится, а это значит, что хорошим доктором ей никогда не стать. Необдуманные поступки под действием эмоций ведут к фатальным ошибкам. На этой ошибке она, как мало-мальски подготовленный интерн, выучит урок.

– Насос на пятьдесят пять. Уровень кислорода пятьдесят четыре. Давление семьдесят на сорок. – комментировала Кэтлин. – Давление падает.

– Вводим ипенефрин 500. – попросил сестру, затем обратился к Оливеру. – Зажим аорты.

– Давление восемьдесят три на шестьдесят четыре. – сообщила Кэтлин, у экрана показателей состояния пациента. – Давление стабильно.

– Достаем трубку. Приготовиться. В случае кровотечения вставляем катетер. – Я выдохнул и покрутил кистями, чтобы снять напряжений, готовясь к манипуляции. – Три, два, трубка вышла.

– Кровотечение. – Оливер повернулся к Энн. – Катетер. Отсос.

– Приступаем к наложению швов. – Передал указания Кэтлин. – Приготовиться к уменьшению работы насоса до полной остановки по команде.

Ещё минут двадцать ушло на наложение швов, прежде чем я скомандовал: – Насос.

– Уменьшаю работу насоса на три, два, один. – комментировала она. – Насос выключен.

Мучительные три минуты. Я несколько раз моргнул с задержкой, чтобы простимулировать мышцы глаз. Долгая операция, труднее всего глазам и кистям.

– Сердце сокращается самостоятельно. – Комментировал Оливер.

– Зашиваем.

Нам аплодировали. Это была трудная работа, более того, наша первая комплексная по квоте. Я вышел за Оливером и похлопал его по плечу. Парень отработал отлично. Похвала и орации заслуженные. Не все опытные хирурги справляются ассистировать, он уверенно вызвался мне помочь в отличие от Тима. Очередной раз убедился, что мой ученик – талантливый специалист.

Усталость почти не чувствовалась, скорее зверский голод и немного мутнело в глазах от перенапряжения.

В первую очередь я вернулся к себе принять душ и только потом направился в столовую.

– Идешь спать? – Тим встречал меня в столовой.

– Да. – Я попросил овощи и пареную телятину. – Как приемы?

– Нормально, не волнуйся. – Он кивнул в подтверждение свои слов. – Я твоих со всей бережностью принял, всё пояснил, объяснил.

– Есть операции?

– Да, одна. – Он тоже взял телятину, но с рисом и мы направились к столу. – Платная.

– Какая разница, лучше скажи, что за операция? – Если честно, было невыносимо противно, что из-за задержки операции, я пропустил первичные приемы, но, что поделаешь, такое бывает. Некоторые пациенты едут с отдаленных уголков страны, а то и вовсе из-за рубежа, не перенести оперативно.

– Саркома.

– Стадия? – Опухоль сердца. В зависимости от расположения и степени запущенности расклад может быть от простого дежурного до вызывающе тяжелого.

– ША. – Ответил Тим.

Это хорошо. Несмотря на высокую степень злокачественности, опухоль меньше 5 см и нет поражения лимфоузлов и нет отдаленных метастаз.

– Нормально, на когда назначили?

– Завтра в обед. – Тим ухмыльнулся. – Миленькая молоденькая девушка. Смотрела такими огромными напуганными глазницами. – Он сомкнул указательный и большой палец в кольцо, намекая на размер глаз.

– Главное, чтоб опухоль была меньше. – Я неодобрительно цокнул. – Утром посмотрю результаты анализов и исследования. Начинайте готовить пациента.

Мы спокойно поели в почти пустой столовой, изредка обмениваясь дежурными фразами, присущими пустой болтовне приятелей. Мне не нравилось то, что Тим спасовал ассистировать сегодня и раздражало, что он вызвался консультировать тех, кто пришел на операцию ко мне. Я не считал правильным, если пациента ведут разные доктора, однако форс-мажор ввиду задержки операции никто не мог предугадать.

Наверно, я должен был быть благодарен, что он озаботился и взял на себя первичные консультации, но «спасибо» говорить все равно не считал нужным. Да, если что-то, я имею ввиду не во время операций, шло вопреки моим принципам или планам, я не умел спокойно воспринимать необходимость адаптироваться. Вызовов и стресса хватало в операционной, поэтому во всех других аспектах моей деятельности я предпочитал слаженность и полный контроль над ситуацией.

Перекусив, я направился отдохнуть, однако судьба распорядилась по-другому. Выспаться мне не удалось.

У прооперированного дважды за ночь наступала критическая ситуация и вызовы прилетали в мой едва успевавший засыпать мозг противным дребезжанием пейджера. В восемь тридцать утра состояние пациента удалось стабилизировать и я, наконец лёг, решив перенести обход на вечер после операции.

В десять я встал, что, конечно, непростительно поздно, учитывая, что скоро операция. Плотно позавтракав, направился в холл клиники, где располагались вендинговые автоматы со всякой вредной всячиной и небольшое кафе. Не могу сказать, что кофе был какой-то особенный, но мне нравился и почему-то именно сегодня хотелось взбодриться. Пока готовился мой лате, я читал данные пациента.

Девушка тридцати двух лет из Канады. Опухоль впервые диагностирована две недели назад. Согласно анализам и результатам УЗИ и КТ, проведенным ещё в её клинике, образование располагается в левом предсердии и по размерам три и четыре сантиметра на четыре и два. Я достал телефон и набрал станцию крови: – Добрый день, Голберг, – послушав приветствие, поинтересовался. – У нас есть три литра второй положительной?

– Да. – Подтвердила сестра. – Подготовить?

– В седьмую операционную по звонку. Операция в двенадцать.

– Хорошо, доктор.

Я положил трубку ровно за секунду до того, бариста сообщила: – Доктор, ваш кофе готов.

– Спасибо.

Я взял бумажный стакан и шагнул в направлении лифта, когда моё внимание привлекла девушка у стойки ресепшена.

– Как такое может быть? – возмущалась она, повысив голос. – Сначала назначаете, а, получив оплату, отменяете в день операции? Это подсудное дело!

– Мне очень жаль, но доктор занят, у него график. – секретари ресепшена горой стояли за клинику. На самом деле, странно как-то с оплатой и переносами. Мы славимся своей обязательностью, представить не могу, кто мог отменить операцию. Может, перенести или предложить другого хирурга, но так, чтобы отменить?

– Мы можем предложить вам седьмое мая. – Продолжала дама на ресепшене. – Вас устроит?

– Через полтора месяца? – Пациентка была в шоке. Я приблизился, надеясь услышать, кто из докторов мог так поступить. Уж я поговорю с ними насчет недобросовестности. – Вы понимаете...это долго... – Она резко втянула воздух, я понял, что дыхание сбито из-за тахикардии на фоне стресса. – Я не могу ждать... Я... – Девушка схватилась за стойку информации и обе дамы вскочили со своих кресел. Я оказался быстрее. Кинулся вперёд. Поставив стакан и бросив планшет на стойку, успел подхватить за секунду до того, как пациентка потеряла сознание.

Держа девушку на руках, я крикнул: – Отделение неотложки! Немедленно. Затруднено дыхание.

Каталку подали через мгновение и девушку забрала команда Дианы, а значит, пациентка в надежных руках. Я взял кофе и планшет со стойки и направился наверх готовиться к операции.

Времени было достаточно, поскольку операция плановая, поэтому все процедуры выполнял неторопливо, размышляя, удастся ли завершить с обходом моих пациентов после операции до полуночи. То и дело, мои мысли возвращались к сцене в холле, свидетелем которой я стал. Нужно будет потом поговорить с этой девушкой и разобраться в чём дело.

– Добрый день, доктор Голдбер. – В предоперационную вошел Питер, вчерашний интерн, который, как и Оливер стал доктором совсем недавно.

– Добрый. – Я удивился, поскольку ожидал увидеть Тима. – Ты assistiруешь?

– Да, доктора Тимоти Слейтона вызвал директор.

Чёртов Паксон никак не успокоится со своими беседами. Он вообще что ли не понимает, что у нас расписание! Я сжал челюсть, натягивая шапочку.

Питер вымыл руки и подошел к шкафчику, чтобы переодеться.

Я заканчивал у стола дезинфекции, когда в предоперационной загорелась красная лампа, оповещающая о готовности операционной и завершении подготовки пациента в наркозной. Я вышел первым и сестра аккуратно надела на меня передник, не задевая моих стерильных рук в перчатках.

Я подошел к столу, где анестезиолог сразу сообщил: – Время наркоза пять минут. Температура тела тридцать два.

– Продолжаем снижать температуру тела до двадцати девяти. – кивнул ему в ответ.

– Температура помещения двадцать два, цветовая температура освещения 4500 кельвинов. – распорядился, ожидая пока техник за стеклом проведёт настройки помещения.

Я смотрел как Питер обходит стол, Кэтрин и Энн, стоящих наготове, и занимает место слева от пациента.

– Начинаем. – скомандовал я и отчёт включился автоматически. – Скальпель.

Я произвел разрез, а Питер руководил отсосом крови.

– Стернотом пять. – Разъём и закрепление грудины прошли очень быстро, – Экран три.

Техник моментально вывел изображение свежайшего КТ. Я мельком взглянул на экран, поскольку уже видел данные, но замер, когда взгляд остановился на правом желудочке.

– Опухоль в правом желудочке? – Я поднял взгляд на Питера. – Это точные данные? В результатах, что я читал перед операцией, было левое предсердие.

– Я видел карту за час до операции, правый желудочек, подтверждаю.

Ощущение чего-то неправильного начало формироваться в сознании и облаком нависло над столом. Неужели Лорен обалдела настолько, что подсунула мне чужую карту?

– Продолжаем. Скальпель 3 и изогнутые ножницы. – Едва распорядился, Кэтлин подала инструмент. – Готовимся к остановке сердца и подключения к аппарату искусственного кровообращения.

Следующие шесть часов, оксигенатор, будет выполнять роль «искусственных «легких», а артериальный насос, берущий на себя задачу «искусственного сердца». В нашей клинике это – стерильное, одноразовое устройство, индивидуальное для каждого пациента. Механический блок представляет собой набор насосов, а также оборудование для электронного управления и постоянного контроля за параметрами искусственного кровообращения, во многих клиниках попроще, аппарат многоразовый и менее гибкий к потребностям каждого конкретного пациента.

– Аппарат готов. – сообщит Питер. – Готовы к остановке сердца по команде.

– Вводим Гипарин. – сообщил анестезиологу.

– Готовимся к параллельному кровообращению. Трубки физиологического блока АИК в сосуды. – Едва я распорядился, Питер приступил к выполнению задачи.

– Зажимы на сосуды. – Продолжал я.

– Зажимы установлены, кровообращение осуществляется через аппарат на сто процентов.

Операция заняла восемь часов, но я с удовлетворением отметил, что прошла удачно, без осложнений. Не смотря на то, что мы отлично справились, я не мог отделаться от ощущения незавершенности. Вернувшись к себе, приняв душ и переодевшись, я принялся составлять отчёт о манипуляции и открыл карту пациента.

«Женщина, пятьдесят семь лет из Вашингтона. Опухоль впервые диагностирована месяц назад, но ввиду занятости она не могла прилететь ранее, наблюдалась в клинике у себя в городе. Согласно анализам и результатам КТ, образование располагается в левом желудочке и по размерам четыре и семь сантиметров на пять и три. Группа крови первая положительная».

Лорен подсунула чужую карту? Больше никому не могло прийти в голову такое. Откинувшись на кресло я потёр лицо руками, затем вновь поднял взгляд на монитор и свернул вкладку с формой отчёта.

Перелопатив всю картотеку моих пациентов, я не нашел карты девушки из Канады, которую читал перед операцией. Я позвонил на станцию крови и мне подтвердили, что я просил подготовить вторую положительную, а потом через какое-то время Питер по внутреннему каналу попросил первую положительную. Я не мог ошибиться, я правда, видел данные другого человека.

Я встал и направился к Тиму. Коллега был на обходе, но я не поленился, прошёл за ним прямо в палату, любезно указанную его медсестрой.

– Привет! – Я перешагнул порог, стараясь придать лицу выражение беспечности. Наверно, не вышло, Тим удивлённо повернулся ко мне.

– Ты не спишь?

– Да, иногда работаю. Хватит, думаю дрыхнуть.

– Марк, случилось что?

– Ты мне скажи.

– Минутку. – Тим кивнул пациенту, рассматривающему нас с любопытством. – Я сейчас закончу и выйду в коридор.

Я развернулся на каблуках и вышел из палаты. Вечер только начался, я планировал обход, который и так пришлось перенести, вместо этого стою, выясняю, не было ли у меня когнитивного расстройства.

– В чём дело? – Приятель вышел быстро.

– Вчера мои первичные проводил, помнишь?

– Да, конечно. – Кивает с готовностью.

– Саркома была. – Помогал вспомнить.
– Да. – Он непонимающе склонил голову. – В столовой же обсудили.
– Как она выглядит?
– Саркома? – Брови Тима взлетели вверх. – Это что за тест такой?
– Пациентка. Давай, вспоминай. – Я процитировал: – Напуганные огромные глаза. – Я сложил указательный и большой пальцы в кольцо, повторяя жест друга.
Он хмыкнул: – Ну да, напуганная дама.
– Возраст? – Меня раздражало, что он медлит.
– В карте нет что ли?
– Не помнишь? – Я выгнул бровь: – Можешь примерно сказать.
– Около пятидесяти. – Тим будто действительно медленно вспоминал.
Я моргнул. Какого чёрта? Он же вчера сказал, что миленькая молоденькая. Карта была. Я же видел своими глазами. Глядя Тиму в глаза я больше ничего не спросил, но мне показалось, что я смотрю на чужого мне человека. Незнакомца, которого встретил впервые. Что это за игра? Он помогает Лорен? Они сошли с ума шутить на тему пациентов? Я могу поверить, что Лорен желает отомстить, но почему Тим? Помогает ей? Хочет меня подставить? Хотят, чтобы я стал сомневаться в своём здравомыслии? Что происходит?
Миллионы вопросов встали между нами, переплетаясь, будто ветви плюща. Плотно и крепко формируя стену. Ни на один у меня не было ответа.
Внезапно мне вспомнилась сцена в холле, которую я наблюдал как раз читая злосчастную карту. Девушка, та девушка говорила, что операцию отменили. Молодая девушка с лёгким акцентом.
Противное липкое чувство подозрения начало формироваться где-то в желудке. Я резко развернулся и пошёл к себе, оставляя Тима стоять в коридоре.

Глава 7. Мэри

– Ты не плачешь? – Голос Элейн по телефону казался каким-то далеким.

– Нет, что уж плакать. – Я вздохнула. Странно вообще, что не расклеилась окончательно, потому что отчаяние просто захлестывало ледяными волнами до трясучки.

– Молодец, не надо волноваться. Седьмое мая, так седьмое мая. – Она старалась звучать уверенно. – Значит это будет план «Б».

– А какой план «А»? – Я сидела на кровати в палате оперативной помощи в этой прекрасной разрекламированной клинике, где недавно очнулась и пыталась понять, что делать дальше. – В Ванкувере от меня отказались, в Бостоне перенесли на полтора месяца, потому что этот звездный хирург слишком занят. А если я не доживу? Ситуация ведь может ухудшиться.

– Милая, ты должна думать позитивно.

– Я поеду в Торонто к Мэтью. Там тоже есть хорошие клиники. Заодно скажу ему, сколько можно скрывать. Ты прикинь, что с ним будет, если я умру и он по факту только узнает.

– Прекрати это! – Подруга шикнула на меня. – Никакого негатива и разговоров о... Об этом. Торонто – это хорошо, езжай. Деньги есть?

– Пока да.

– Мэри, всё будет хорошо. – Она чмокнула в трубку.

– Да.

Хорошо-то будет, только смотря у кого.

Я спустила ноги с кровати и покосилась на электронные часы над дверьми. Двенадцать пятнадцать. Я могла бы быть уже на операционном столе.

– Девушка! – В палату зашла женщина в фиолетовом медицинском костюме. – Вы пришли в себя! Давайте я проверю ваши показатели.

– Всё в порядке. – Я встала с кровати. – Скажите, я могу как-то встретиться с доктором Марком Голбергом? Может, его электронную почту есть шанс получить?

– К сожалению, мы не можем раздавать контакты докторов, звоните на рабочий. – Она поджала губы. – К нему действительно трудно попасть.

– Удержаться, я так понимаю, ещё труднее. – Я умудрилась влезть в кеды, заставляя себя дышать ровно и глубоко.

– Что вы имеете в виду? – Она склонила голову, продолжая говорить спокойно и невозмутимо и, казалось, готова была слушать. Я прочитала на её бейдже имя: Диана Коулс.

– Что на приеме меня консультировал другой вчера, а операцию, которую я уже оплатила, отменили, вернее перенесли, но на такой срок, что, боюсь, она мне уже не понадобится. – Да, я была зла и, да, эта доктор, как сотрудник учреждения, представляла сейчас для меня всю клинику, а посему была виновна в произошедшем наравне со всеми.

– Мне очень жаль, если вы столкнулись с такой неприятностью. – Диана участливо кивнула. – Я понимаю ваше состояние и волнение. Уверена, ситуация разрешится. Я не могу дать вам контакты доктора, но могу попробовать поговорить с ним, передать ему вашу просьбу о переносе операции на более ранний срок.

– Да, желательно на этой неделе.

– Я попробую, как зовут доктора?

– Марк Голберг.

Женщина очень удивилась, будто я потребовала Папу Римского вызвать. Она, нужно отдать ей должное, быстро справилась с эмоцией, но, тем не менее, её реакция действительно заставила поверить в искренность её следующих слов:

– Доктор Голберг очень ответственный, я, признаться, удивлена, что он оказался в такой ситуации. Уверена, это какая-то путаница.

– Эта путаница может стоить мне жизни.

– Я вас слышала. – Диана достала телефон из кармана. – Дайте, пожалуйста, мне ваш номер, я поговорю с доктором и передам ему ваши контакты.

– Спасибо.

Из клиники я вышла примерно в два, пообедав в столовой по настоянию Дианы. Еда оказалась очень вкусной и удивительно дешевой, возможно, потому, что я, хоть и со стороны, почти уже пациент.

Женщина мне очень понравилась, она сопереживала вполне искренне или мне просто хотелось верить в лучшее. В такие моменты, когда кажется, что весь мир против тебя, судьба, будто намеренно, уводит у тебя из-под носа шансы один за другим, такие люди, как Диана, помогают не потерять надежду.

В шесть я сидела в аэропорту, ожидая свой рейс в Торонто. Я отправила Мэтью два сообщения, но, кажется, на балансе осталось недостаточно средств и они до него не дошли. Звонки из США не такие дешевые, стоит признать. То-то он офигеет, когда я явлюсь почти в полночь. Если ещё не офигел, звонив мне вечером и не получив ответа. Ладно, прилечу, сразу в аэропорту пополню счёт, как мобильный банк заработает.

В зале ожидания суета. Путешественники, туристы, бизнесмены. Все куда-то торопятся, строят планы, переживают о чем-то. Интересно, есть ли ещё кто-нибудь, как и я, летающий по миру в поисках клиники? Я, конечно, пока только до США долетела, но если и в Торонто ничего, то, наверно, попробую и Европу, и Азию. Не буду сдаваться до конца. Пока еще могу ходить и дышать, я буду бороться за себя. Самое важное, что я уяснила за эти адские две недели – это то, что ставить своё здоровье нужно выше любых полоумных придурков на работе, бесчувственных докторов, сжимающих спинки кроватей, вместо ваших плеч, и наглых девиц с ресепшена, не желающих признавать свои ошибки в страхе потерять место работы. Уверена, это их рук дело, это путаница с расписанием. Бороться за себя до конца – вот мой новый девиз. Если не получится, буду молиться. Наверно, у меня уже прошла стадия шока и отрицания реальности и начался этап сопротивления неотвратимому.

Десять пятнадцать и я выхожу в зал прилета в аэропорту Торонто. Начало марта совсем прохладное, особенно вечер. На выходе я ловлю такси, пока мои ботинки скользят по изморози, но всё равно хорошо, что в родной стране. Ощущаешь себя как дома. Если всё сложится, то Торонто и станет моим домом, ведь Мэтью уже устроился тут, а значит и я что-нибудь найду.

Я положила рюкзак на заднее сиденье автомобиля рядом с собой и продиктовала адрес квартиры, что мой жених снял на первое время.

– М... Мэри? – Мэтью ещё не ложился, встречал меня в расстёгнутой рубашке и офисных брюках, весь взлохмаченный. – Что ты тут делаешь?

– Будто не рад. – Я умудрилась улыбнуться и покачать головой. Боже, такой шок – надо было видеть.

Поскольку я засмотрелась на выражение его лица, споткнулась о какие-то туфли в прихожей, но устояла. С любопытством озираясь: – Где тут ванная? Руки помою с дороги.

Мэтью провёл меня и любезно открыл воду, притворив дверь, как до меня вдруг с опозданием дошло: – «Что за туфли в прихожей?»

Сердце, к сожалению, пропустило удар, я прямо прочувствовала отголосок в висках. Стараясь сфокусироваться на струе воды, бегущей сквозь пальцы, я заставила себя дышать ровно и выстроить аналитическую цепочку.

Туфли в прихожей женские. Мэтью не носит туфли. Мэтью меня не ждёт. В квартире есть женщина – владелица туфель. Рубашка расстегнута, значит это не по делу. Это по личным вопросам. Господи!

Я закусила губу и пыталась унять жжение в глазах от подступивших слёз. Уговаривала себя: – «Какого чёрта, мне нельзя расстраиваться. Это всего лишь женщина, другое живое

существо. Это совсем не страшно и не обидно, потому, что это просто человек со здоровым сердцем. Так бывает».

Я взяла мыло, медленно моя руки, успокаивая себя мысленно и стараясь вдыхать ровно: – «Я не буду расстраиваться, ведь я не хотела беспокоить Мэтью своими проблемами с самого начала. Не хотела портить ему карьеру, не хотела жалости. Если я умру, он всё равно потом кого-то встретит и, возможно, женится. Я буду думать, что он просто делает это заранее. Просто заранее. Так бывает. Зато он не будет переживать за меня».

Держась за раковину одной рукой, я перевела ручку смесителя на холодную воду и помыла лицо, аккуратно промокнув глаза.

– Мэри. – Мэтью подошел к двери. – Что-то случилось? Почему ты здесь?

«Я хочу скандал? Конечно, нет. Мне нельзя волноваться, но, господи, обидно всё равно. У нас свадьба через месяц, как так? Как так можно? Пусть хоть оправдывается».

– Случилось.

Мэтью открыл дверь в ванну и уставился на меня. Я выдержала его взгляд уверенно, закусив щеку, но он знает меня слишком хорошо:

– Кто тебе сказал? – Ну не будет юлить, уже хорошо. Честность – это то, что в нем всегда подкупало. Видимо, честность до определенных границ.

– А что, много, кто знает?

– Я собирался всё объяснить.

– Это хорошо, что собирался. – Я облизала пересохшие губы. – Родителям моим объясни, когда поедешь свадьбу отменять, мне некогда.

Я попыталась протиснуться из ванны, но он перекрыл мне проход рукой: – Некогда? – Шок. Ну и отлично. Хочу, чтоб думал, что мне не больно, что он только что не добил моё едва бьющееся сердце.

– Да, я устраиваю свою жизнь. – Это правда. Может поэтому я так спокойна? У меня главный приоритет просто вытеснил все остальные жизненные переменные как несущественные. Я даже будто не волнуюсь больше и плакать не хочется. Холодная вода творит чудеса.

– У тебя кто-то есть? – Он взял меня за плечи. Какие глупые вопросы в сложившейся ситуации. Разве это не я должна была выкрикивать, забегаю в спальню?

Я подняла голову, задирая подбородок: – А что? – Уверенно так и со всей злостью, что во мне накопилась за последнее время.

– Ты не посмела бы. – Вот, как выглядит стадия отрицания в исполнении Мэтью.

– Ну ты же посмел.

– Мэри, я не узнаю тебя. – Он качал головой, но, думаю, задеть удалось его чувства. Хотя бы самолюбие.

– Зато я тебя узнала намного лучше. – Умудрилась вылезти из ванной и направилась обратно в прихожую.

– Ты будешь требовать половину суммы за дом? – Вдруг спросил он мне в спину. – Учти, деньги уже в обороте от моего имени.

Ах вот как. Деньги. Это, конечно, важные бумажки, особенно когда нужна операция.

– Нет, что за бред. – Я обернулась через плечо. – Я буду требовать всю сумму.

Я услышала, как в комнате за углом кто-то ахнул. Наверно, тоже переживает за денежку. Прямо сборище сердобольных. Надо бы завещание составить, чтоб ему, как жениху, ничего не досталось.

– Мэри, – Мэтью шагнул за мной к кроссовкам. Я уставилась на чёрные туфли с пряжками.

«Какая безвкусица», – мелькнуло в голове.

–Мэри, ничего не выйдет, ты перевела средства на моё имя. – Я видела, что он заволновался. Значит, не всё гладко и шанс вернуть деньги, что дали нам мои родители на покупку нашего первого дома, есть.

– Пока, Мэтью. – Кажется, я даже улыбнулась.

Я плохо помню, как доехала на такси до какой-то ближайшей гостиницы, и как потом ровным безжизненным тоном рапортовала Элейн о случившемся. Она хвалила меня за то, что я держусь и не плачу, а мне казалось, что плакать я разучилась.

Глава 8. Марк

– Заранее?

Я стоял перед письменным столом Паксона в его кабинете и пытался осмыслить, что он опять выдумал касательно чёртовой конференции.

– Мало того, что я согласился спустить три дня на эту свистопляску, я ещё и заранее должен туда притащиться, чтобы участвовать в каких-то идиотских семинарах? – Моё возмущение достигло предела ещё и потому, что главную тему, из-за которой я, собственно говоря, пришёл к нему, мы так и не успели поднять.

– Марк, эта конференция полезна, в первую очередь, для тебя. – Он начал как-то вкрадчиво, как обычно делают, боясь спугнуть. – Новые разработки оборудования. Демо организованы до конференции. Посмотришь демонстрации, выберешь. Можешь заказать, что считаешь нужным.

– Я?

– Да.

– Тим что, не едет? Я же не ведущий хирург.

– Он не едет. – Паксон обошёл стол. – Я доверяю твоему выбору. Что считаешь нужным, можешь заказать.

Подкупает, будь он неладен. Я выдержал паузу в несколько секунд в знак капитуляции.

Его радость была заметна. Мастер чёртовых манипуляций. Глаза светились победой, губы едва подрагивали в попытках скрыть улыбку. Я решил, что можно начинать требовать, пока он в таком состоянии.

– Ещё что-нибудь? – Паксон в приглашающем жесте развёл руки.

– Мне нужен полный доступ к архиву клиники.

– К архиву? – Удивился, даже замер с открытым ртом. Видимо, предложение касалось исключительно командировки. Что он думал, я попрошу? Ковровую дорожку к самолёту? Организовать операционную на борту? Привезти с собой всех пациентов?

– Да, мне предстоит сложный случай по долговременной паллиации, хочу просмотреть опыт других.

– Конечно. – Босс расслабленно кивнул, раз я больше не выделяюсь по поводу поездки. Он прошёл к своему столу и взял оттуда карту-ключ. – Тут на обороте мой пароль, можешь использовать.

Принял из рук босса то, за чем явился. Удивительно гладко прошло, не пришлось объяснять. Я несколько историй заготовил, как оказалось, зря старался.

В десять вечера я выходил из архива с жестким диском в кармане, куда скачал абсолютно все записи за последние десять лет.

Было как-то странно выйти на улицу. Холодный промозглый вечерний ветер пронизывал до костей, я поднял воротник куртки. Ботинки скользили по покрывшемуся тонкой корочкой льда асфальтовому покрытию парковки. Я забрался в промёрзшую машину и завёл мотор, чтобы прогреть авто. Когда я последний раз был дома? Кажется, пару недель назад. Покопавшись в бардачке, нашел перчатки. Придётся взять с собой, в Канаде может быть холоднее.

Дома я сварил макаронеры на ужин – единственный продукт, который согласен ждать меня месяцами и не портиться – и выбросил всё, что умерло в холодильнике. После душа, я решил, что стоит заплатить по коммуналке, а заодно узнать, стоит ли брать с собой свитер в путешествие.

В час ночи, я был готов лечь спать, понимая, что прогноз погоды отвратный и помимо дождей, ещё и штормовой ветер, временами снег.

«Я могу простыть. Если я простыну, две недели не смогу оперировать».

В два я не мог уснуть, поэтому встал и собрал с собой аптечку, которая и заняла большую часть чемодана, в котором до этого болтыхался пакет своим единственным костюмом, ноутбуком с жестким диском в кармане на молнии, паспортом и свитером. Утром настигло озарение, что стоит взять еще и нижнее бельё с дополнительной парой носок, и что-то для гигиены, не факт, что в гостинице, где, по мнению Паксона, мне предоставят всё, есть именно те средства, которыми я пользуюсь.

Сорок минут после завтрака я убил на розыски шапки, но безуспешно, поэтому взял ещё один шарф. Придётся купить шапку где-то по пути, а пока, надеюсь, капюшона куртки хватит.

В аэропорту имени Джона Кеннеди меня поджидало сообщение, что ввиду плохих погодных условий, рейс задерживается. Я успел даже обрадоваться, что, может, вообще отменят, но, к сожалению, посадку всё же назначили на четыре вечера.

Стоит признать, Паксон не скупился, билет бизнес класса. Мне предложили все виды напитков и закусок, что были на борту, но ни один не удовлетворил меня своим внешним видом, поэтому понял, что главная трудность всей затеи – отсутствие нормального питания. Это отвратительно, но, ладно, надеюсь, в гостинице имеется ресторан, откуда я смогу заказать хоть что-то, удовлетворяющее санитарным нормам.

Благодаря раздвижному креслу, я занял горизонтальное положение и решил, что шестичасовой сон – это внеплановое благо, учитывая обстоятельства.

Мне ничего не снилось. Сны – это что-то давно забытое с детства. Когда человек устает в течении своей активности, фазы сна сменяются очень быстро и сон очень глубокий, поэтому запомнить какие-либо картинки, созданные мозгом в этот период, проблематично. Однако, даже из глубокого сна может вывести неожиданная ситуация и для оценки обстановки обычно требуется больше времени. Так случилось и сейчас. Сначала мне показалось, что дребезжит пейджер, это я потом с опозданием вспомнил, что он остался в клинике в моём шкафчике.

Раскрыв глаза, я понял, что самолёт трясёт, причём хорошо так, как внедорожник на ухабах. Люди вокруг волновались, по салону прошли какие-то короткие сигналы, видимо, для команды, которые нам, пассажирам, неизвестны. Я сел, сворачивая плед, как вдруг нас тряхнуло опять. На этот раз из верхней панели спустились маски.

– Уважаемые пассажиры, говорит капитан воздушного судна. – Пошло оповещение, когда я возвращал креслу положение «сидя» по требованию стюардессы. – Ввиду подступившего циклона со стороны Тихого океана, аэропорт Ванкувера не может принять нас. Самолёт совершит посадку в аэропорту города Калгари. Вам будут предложены варианты, как вы сможете продолжить ваше путешествие до пункта назначения в информационном окне в зале прилёта 3А. Приносим извинения за доставленные неудобства.

Я, конечно, не считал случившееся неудобством. Предчувствия меня ещё никогда не обманывали, ведь с самого начала какое-то шестое чувство подсказывало, что это командировка надолго запомнится. Я прослушал инструкцию по правильному положению кислородной маски на лице, и смотрел в иллюминатор, где тряслась в кромешной тьме земля, усеянная огнями города. Кажется, мы уже низко летим. Мой сосед начал паниковать, периодически хватая мою руку вместо подлокотника и ошарашенными глазами смотря на держащуюся за спинку кресла стюардессу, которая пыталась улыбаться.

Когда с очередным более убедительным толчком мы поняли, что шасси коснулись, наконец, взлётно-посадочной полосы, я, честно признать, поблагодарил всевышнего за то, что хотя бы более не в воздухе в состоянии неопределенности. Однако, новости паршивые: я не в том городе, где должен был быть, я отклонился от графика, я голодный, и у меня по-прежнему нет шапки.

Я посмотрел на снежные завихрения по ту сторону иллюминатора и вздохнул.

Глава 9. Мэри

– Ладно, поеду уже к себе.

Вздохнув, я отодвинула тарелку с аппетитным лимонным кексом и поднялась из-за стола.

– Мэри. – Элейн встала вслед за мной и взяла за руку. – Это всё пройдёт.

– Ты сейчас про диагноз или Мэтью?

– Всё. – Она сжала мои пальцы, а я сомкнула губы, не давая волю моментально нахлынувшим эмоциям. Ненавижу, когда жалеют. Это гораздо невыносимее, чем когда орут и унижают. Жалость наталкивает на мысли о безысходности. Это плохо для мотивации к борьбе.

– Пока мне кажется, что проходит только время. – Я вздохнула, окинув взглядом до боли знакомое убранство гостиной в доме подруги. Жёлтые подушки на диване, серые шторы с яркими солнечными цветами. Сколько раз ещё я зайду сюда? – Будто песок сквозь пальцы, а я всё никак не могу ухватить.

– Мы ухватим. – Подруга направилась в кухонный уголок. – погоди, кекс тебе заверну.

– Не нужно, я овощи сделала на завтра.

Элейн проигнорировала мои протесты и достала из навесного шкафчика контейнер.

– В Японию с тобой поеду. – говорила она, складывая куски кекса для меня. – Завтра напишу заявление на пару недель.

– Зачем тебе лишние хлопоты?

– Мэри, я не отстану. – Она облизала крошки с пальца и, плотно закрыв контейнер, передала мне. – Я теперь, как твоя тень, буду везде, не надейся от меня отделаться.

Я улыбнулась. Как же мне повезло, что она у меня есть. Я понимаю, это редкость. Что бы люди ни говорили, настоящая искренняя женская дружба практически невозможна. Наверно, наш случай почти исключение, но мы встретились в школе и с тех пор были неразлучны. Наверно, Элейн мне как сестра, которой у меня никогда не было. Самый родной человек, каким не смог стать Мэтью.

– Спасибо тебе. – Во внезапном порыве нежности, я подошла и обняла подругу. – Если бы не ты, я бы сдалась.

Домой выехала около одиннадцати вечера.

Погода была паршивая, шёл мокрый снег. Временами, порывы ветра посылали завихрения на лобовое стекло. Я двигалась медленно, вглядываясь в ночь. Несмотря на трудный день, домой не хотелось совсем. Прикинув, что по пути не будет ничего открытого в такой час, кроме церкви, я решила, что пару минут в умиротворенной тишине напротив распятия помогут успокоить волнения души.

Не могу сказать, что я набожный человек. Наверно, я где-то в глубине души верю во что-то, но для настоящего католика я никогда не была послушным последователем библейских правил и никогда не ходила на воскресные службы. В детстве с родителями церковь была обязательным пунктом, откуда начинался выходной день, но постепенно эта рутина ушла из моей жизни, ибо ни Элейн, ни Мэтью не поддерживали религиозность. Не знаю, что двигало мной, когда я направила авто к божьему храму. Неужели моё отчаяние дошло до того момента, когда остается лишь уповать на всевышнего? Готова ли я верить в чудо и доверить свою судьбу небесам?

На парковке было пусто.

Выбравшись из машины, я проскользила к двери, невольно косясь на кладбище, темнеющее за каменной оградой. Ветер нещадно лупил колючими снежинками по щекам и я накинула капюшон на шапку.

Скрип тяжелой двери разнесся эхом по каменным сводам старинного здания. Я вошла в едва освещенное редкими свечами помещение и вздохнула в нерешительности. Вот она, вся

правда жизни. Пока всё идёт хорошо, мы строим из себя распорядителей собственных судеб, а как только случается непоправимое, спешим просить небеса о прощении и чуде.

Какое чудо я жду? Волшебное исцеление? Это совсем нереалистично. Наверно, я просто хочу справедливости. Клиника, отобравшая у меня возможность своевременной операции, должна исправить ошибку. А если это было решение доктора? Наверно, я хочу видеть этого человека и поговорить с ним. Уверена, я смогла бы настоять на важности своей ситуации, даже доплатить, если нужно.

Решившись, я сложила руки в молитвенном жесте и двинулась к алтарю.

«Прости меня за редкие визиты, – начала, как полагается, с извинений. – Люди правду говорят, что про бога вспоминают при приближении смерти. Я не исключение, я такой же грешник как все. Однако, я пришла, надеясь на прощение и, более того, пришла просить. – Надеюсь, наглость бог тоже простит. – Дай бог мне возможность поговорить с доктором Марком Голбергом. Я верю, что смогу договориться. Я ...»

Мою молитву прервал скрипящий звук открываемой двери церкви. Я обернулась, так и держа руки перед собой.

Надо же, кто-то ещё вздумал взывать к всевышнему в такой час и не поленился в такую погоду ехать в церковь. Сначала мне показалось, что это бомж. Обычно со всеми вещами по городу ходят бездомные, волоча скудные пожитки в спертых из супермаркете тележках. Наверняка можно было только сказать, что это очень высокий мужчина. Пока незнакомец приближался, я поняла, что одежда у него чистая и опрятная, а чемодан почти новый на вид. Странным было то, что на нем было два шарфа, причём один на голове. Я так и замерла с открытым ртом, благо под шарфом не видно, пока он, приблизившись, не поинтересовался:

– Извините, тут можно вызвать такси?

– Вы американец? – ответила вопросом на вопрос. Ну серьёзно, наши все знают режим работы единственной службы доставки по адресу. Более того, ожидать, что заказать авто можно в церкви могут только люди совершенно далёкие от нашей культуры. Ну или американцы.

– Да, а что, американцам нельзя? – ответил он и я поняла по образовавшимся морщинкам у глаз, что там, под шарфом, он улыбается.

Мужчина явно с чувством юмора. Может, и не совсем псих.

– Никому нельзя. – Я вздохнула и развернулась к незнакомцу всем корпусом. – Даже американцам. Тут все одинаково бесправны.

– В аэропорту мне сказали, что тут, около церкви, пост такси.

– Да, но они до восьми работают. Хотите, я вас подвезу, я на машине? – Мне нетрудно порадовать туриста. В конце концов, домой мне так и не захотелось, не смотря на умиротворяющее спокойствие церковного интерьера. А туристы к нам редко заглядывают, нужно показать канадскую гостеприимность, ведь с такси его явно уже нагрели.

– Отлично, спаси... – Мужчина резко втянул воздух и чихнул в шарф. – Спасибо, мне в Ванкувер.

Так. Это как-то совсем далеко. Блин, предложила же уже. Видимо, всё же псих. Надо было слушать интуицию. Два шарфа – это очень красноречиво.

– Кажется, вы простыли. – Постаралась ненавязчиво сменить тему.

– Я могу надеть маску в машине, вас устроит?

– Я не это имею в виду. – Я окинула взглядом шарф обмотанный вокруг его головы и второй, на шее, закрывающий нос. Серьёзно, я не готова посадить психа к себе в машину. А если он убьёт меня раньше, чем болезнь? – Выезжать лучше утром. Это безумие в пургу ночью тащиться.

Про себя подумала, что ему в гостинице вызовут часиков так в восемь, а про меня он к тому времени забудет.

– Давайте я вас до гостиницы отвезу. Вы где остановились?

- В Ванкувере. – Он опять чихнул, а я поджала губы. Слава богу, за шарфом ему не видно.
- Придётся до утра переночевать тут.
- В церкви? – он огляделся.
- В городе. – Я склонила голову на бок. Наверно, всё же какие-то отклонения есть. –

Подвезти вас к гостинице?

- Да.

Так, я только что предложила помощь нуждающемуся, причем прямо в церкви. Он не может быть маньяком, правда? О нем бы уже написали в газетах.

Кивнув мужчине следовать за мной, я повела его к выходу.

- И часто у вас весной зима? – Поинтересовался он, расположившись на пассажирском.
- Каждый год. – Я завела машину. – А вы откуда к нам?
- Из Бостона.

– Там тоже бывает снег. – Ответила со знанием дела, ибо на прошлой неделе ещё топтала ледяную корку на крыльце злосчастной клиники.

– Да, но не снежная пурга. – Он повернулся ко мне. – И какую гостиницу вы рекомендуете?

– У нас только одна. – виновато опускаю глаза. Город маленький, хвастать нечем, кроме церкви, но он её уже видел и, как я поняла, достопримечательность не впечатлила.

Через пятнадцать минут, стоя в холле гостиницы, я поняла, что у туриста странные запросы.

– Что значит, невозможно? – Вопросил он, глядя на Миранду на ресепшене, которая периодически бросала на меня беспомощные взгляды.

- Извините, кухня закрылась в девять. Повар ушел домой. – оправдывалась она.

– Следующий прием пищи запланирован только на утро? – попытался мужчина, пока я закатывала глаза и кусала губу. Может мне пока по-тихому ретироваться?

- Завтрак будет в семь тридцать.

- Это неудовлетворительно.

- Извините.

Я шагнула к двери, как вдруг мне сзади прилетело: – Это не подходит, мы уходим.

Вот дерьмо! Попала, так попала.

Мужчина догнал меня удивительно быстро и, подхватив под локоть, выволок на улицу. Уверена Миранда уже звонит моей маме, рассказать, как некто, с чемоданом в одной руке и со мной в другой, уходит в ночь.

– Мне жаль вас огорчать, круглосуточных магазинов у нас тоже нет. Это маленький город. – Я пыталась пояснить отсутствие пищи, пока меня волокли к моей машине.

- Вообще? В городе нет еды?

Я поняла, на что он намекает. И решила озвучить максимально непривлекательный рацион для любого мужчины: – Понимаете, у меня весьма строгая диета и кроме пареных овощей и лосося ничего нет. Ни одного кусочка мяса в доме.

– Прекрасно. – Было ответом и мне любезно открыли дверцу авто. Серьёзно? Овощи? Наверно, он совсем давно не ел. Господи, я спятила. Может, позвонить Элейн и хотя бы сообщить, что я подобрала в церкви психа и повела к себе, чтобы накормить, чтоб она не удивлялась утром, найдя мой труп.

Пока я таращилась на руль, мужчина залез в машину на пассажирское: – Не переживайте, я оплачу вам расходы. – Сообщил он.

Ладно. По крайней мере мне не будет страшно одной. Скорее, будет страшно, от того, что не одна.

Глава 10. Марк

День отвратный с момента посадки в самолёт.

То, что ни одна посудина не поднимется с местного аэропорта в ближайшие двадцать четыре часа, мне сообщили ещё на стойке информации. Попытки арендовать машину не увенчались успехом, потому что мои чёртовы права оказались просроченными. Поезд в сторону Ванкувера, как выяснилось, ходит дважды в день, но кроме воскресенья, какого-то дьявола.

В итоге, я уломал прямо на парковке в аэропорту какого-то мужчину довезти меня до станции такси в городе. Я пытался принимать информацию через культурный фильтр, но всё равно мне было неясно, почему такси я должен заказывать с каких-то станций, как в пятидесятые. Мужчина уверял, что оттуда я смогу заказать авто в другой город, собственно говоря, только оттуда и смогу.

Когда я вышел из его машины на промозглую площадку у старинной католической церкви, транспорт располагался почти у входа. Видавший виды Ниссан Мурано приветливо блеснул серебристым бочком в свете фар доставившего меня сюда авто. Я даже воодушевился и поспешил зайти.

В церкви была закутанная с ног до головы девушка. Она любезно согласилась подвезти, и только спустя какое-то время я понял, что она не водитель, а просто добрый человек. Уверен, она посчитала меня адски наглым, но прилипший к позвоночнику желудок деактивировал все навыки вежливого общения. Я даже не уверен, что требовал настойчивее: еду или транспорт.

Девушка оказалась очень терпеливой, пугающе наивной и с легкостью предложила ужин у себя дома. Наверно, это особенность небольшого города, тут все всех знают и привыкли доверять. Если честно, я был ей очень благодарен, особенно, когда мы вошли в тёплую прихожую.

– У меня очень чисто. – Пояснила она. – Снимите обувь и идите сразу в ванну, помыть руки. Чемодан можете оставить у двери.

– Хорошо. – Я послушно стянул ботинки и принялся разматывать шарфы.

То, что я всё же простыл, злило невероятно, но я решил, что смогу к утру наладить состояние, поскольку у меня с собой было взято всё, что имелось в домашней аптечке.

Я повесил куртку на крючок рядом с паркой девушки. Туда же отправились промокшие от снега шарфы. С руками на весу, чтобы ничего не испачкать, я повернулся следовать за хозяйкой в ванну, но замер, уставившись на неё.

Сейчас, когда она сняла верхнюю одежду, я узнал девушку. Вьющиеся русые волосы и огромные голубые глаза.

Таинственная пациентка, упавшая в обморок у стойки ресепшена.

Я не мог поверить в происходящее. Никогда ещё в моей жизни не было ситуации, которая бы настолько шокировала и выбила из колеи. Я замер, разглядывая её.

– Что случилось? – Девушка с любопытством склонила голову. – Вам плохо?

– Нет. – Я решил, что разговор нужно вести спокойно и ненавязчиво, поскольку, если мои предположения верны, ей нельзя волноваться. – Жду указаний.

– Пойдёмте. – Она кивнула.

Квартира была небольшая, как я понял, с одной спальней и просторной гостиной с кухонным уголком. Выглядело действительно опрятно и очень уютно.

– Вот там полотенце. – Она указала на шкафчик под раковиной. – Выходите потом и на кухню.

Я кивнул, размышляя, как мне начать задавать вопросы. Как узнать все детали её ситуации и как объяснить случившееся, причем так, чтобы у неё не развилась тахикардия. Записи архива я так и не успел просмотреть в самолёте, но сейчас, раз у меня есть время, я просто обязан узнать всё. Как вышло, что мне выпала такая удача? Какова вообще была вероятность

встретить нужного человека на планете, где живут восемь миллиардов? Человека из другой страны. Какова была вероятность, что самолёт будет вынужден совершить посадку именно тут, что мы оба пойдём в церковь? Это казалось совершенно невероятным. Те, кто должен был встретиться всё же встретились, несмотря на путаницы с картами, границы между странами и полное отсутствие контактов друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.